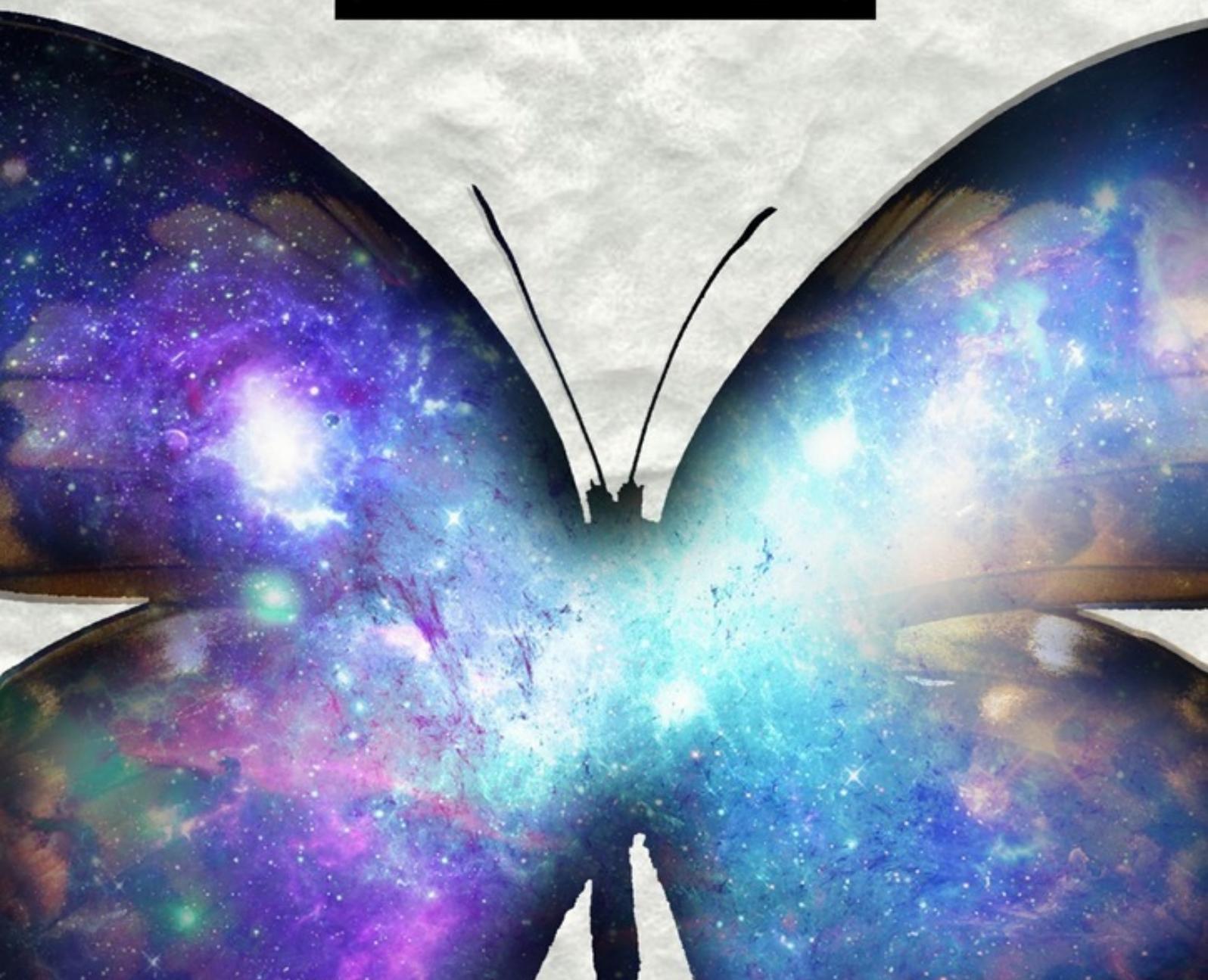

Кайра Пирс

Имаго

Пирс Кайра

Имаго

«Издательские решения»

Кайра П.

Имаго / П. Кайра — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852925-2

Проходя через трудности взросления, выпускница школы находит утешение в экстремальных видах спорта. В то время, как в ее семье происходит разлад, с новыми друзьями у нее устанавливается необъяснимая, телепатическая связь. Чтобы разобраться в этом, героиня вынуждена погрузиться в самые потаенные уголки своей души.

ISBN 978-5-44-852925-2

© Кайра П.
© Издательские решения

Содержание

A	6
B	7
C	9
D	11
E	13
E2	14
F	16
F2	18
G	20
H	21
I	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Имаго

Пирс Кайра

© Пирс Кайра, 2017

ISBN 978-5-4485-2925-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А

Детство у меня было сравнительно счастливое: крыша над головой, хорошее питание и одежда, дорогие игрушки, горшок в детском саду и, конечно же, родители, которые, правда, периодически затевали скандалы – маленький домашний драмтеатр. Была у меня и парочка подружек с вечным «пойдем играть!». «В тупые Барби!» – добавляла я, но все же соглашалась. Но по-настоящему меня интересовали только «Войнушки» с местными ребятами, отчего и слыла на всю округу «пацанкой» и «невеждой». О том же, что по ночам я зачитывалась Лемом, Голдингом и Фицджеральдом, никто не знал. Мне нравилось само осознание того, что погруженный в крепкий сон мир не видит моего погружения в иную реальность. То была моя и ничья больше тайна.

Чтение книг хоть и доставляло мне немалое удовольствие, все же не шло ни в какое сравнение с живым общением, потому мир литературный долгое время оставался на вторых ролях.

Чтобы хоть как-то скоротать время, я принимаюсь читать друг за другом учебники химии и биологии.

Спустя пятьдесят три минуты обалдевший от «Нитросоединений» и «Множественного аллелизма» мозг требует чего-нибудь «полегче», и печальный взгляд падает на Томаса Манна...

Примерно на третьей странице «Доктора Фаустуса», где рассказчик пытается сравнить одиночество Адриана Леверкюна с пропастью, я засыпаю крепким сном младенца. Когда реальность исчезает где-то за горизонтом уставшего сознания, возникают мысли, тебе не принадлежащие.... Пройдя через них, оказываешься в дебрях подсознания....

Я сплю и вижу себя стоящей на берегу мутной реки. Густой туман постепенно рассеивается, открывая взору удивительную панораму: кругом темно, хоть глаз выколи, а на ночном небосводе светящееся синее кольцо.

Сюрреализм какой-то.

В тот момент, когда я вспоминаю, что сплю, и перестаю удивляться чему бы то ни было, кольцо успешно перевоплощается в бейсбольный мяч величиной с Триумфальную арку.

В

Проснулась я, когда часы показывали восемь вечера, от шума, доносившегося из прихожей. Вероятно, отец вернулся с работы. Сейчас начнется: мама расскажет ему об увлечении дочери, он грозно посмотрит в мою сторону и пробормочет что-то вроде «Я устал», встанет из-за стола и отправится к себе в кабинет. А мама примется меня поучать.

Так было много раз: за драки в школе, разбитые окна (там же), и каждый раз я находила аргументы в оправдание. Но сегодня дело обстоит иначе.

Несмотря на все подозрения мамы, наркотиков я не принимаю. Она придерживается такого мнения, потому что считает наркоманами моих друзей. Если это не так, то каким образом, по ее мнению, можно объяснить, что они лазают по крышам высотных зданий? Не без моего участия, конечно....

В дверях показывается мама:

– Отец хочет с тобой поговорить.

Слушаюсь и повинуюсь...

Через полминуты я оказываюсь в его кабинете, сплошь заваленном книгами. Сам собой напрашивается вывод – тяга к знаниям у его младшей дочери в крови.

Я закрываю дверь, чтобы посторонние звуки не мешали нашей беседе.

Мне часто приходилось вести с отцом «серьезный разговор», во время которого, правда, он никогда не повышал голоса. Станным образом его спокойное выражение и тон убеждали меня в чем угодно. Уважать и бояться – разные вещи.

Стараясь вести себя непринужденно, я усаживаюсь в кресло напротив окна, единственного в этой комнате. Он смотрит туда и молчит. А я чувствую, что с каждой секундой становлюсь все меньше и меньше, пока, наконец, не превращаюсь во что-то неопределенное. «Я маленький центр Вселенной» – цитата из «Бойцовского клуба».

– В марте этого года моей дочери исполнилось семнадцать. – Папа нарушил молчание, эту гнетущую тишину, шипение которой громом раздается в моей голове.

Гром среди ясного неба...

– Всем нам когда-нибудь исполняется семнадцать.

Логично. Я одобрительно киваю в ответ и продолжаю нелегкий труд слушателя. Внезапно отец останавливается в центре комнаты и, глядя мне в глаза, спрашивает:

– Ты, наверное, ожидала нравоучений?

Я не сразу нашлась с ответом. Замешкавшись немного, рефлекторно выпрямившись в кресле, начала:

– Так поступает большинство родителей, а ситуации, подобной этой, вряд ли кому придет в голову иное. – Я заметила, как отец напряженно следит за моей речью. Кажется, от него не скроется ни одна деталь. – Но ты, пап, совсем другое дело....

– Все дело в том, что я не сторонник жестких мер, – поясняет он.

– Согласна.

– Я хочу знать, в чем причина твоего поведения.

Что ж, объясню.

Кратко.

– Свобода. – Медленно, почти по слогам произнесла я, находясь под маской спокойствия.

Мои мысли далеко отсюда....

Мои мысли сейчас о том...

– Что для тебя значит это слово? – Не унимается отец.

Я молчу.

Я не знаю, что сказать в ответ.

Я не считаю необходимым объяснять что-либо.

Глубокий вздох расправляет легкие, и я ощущаю, как их наполняет прохлада. Папа спешит спрятать растерянность за непринужденным тоном. Присел на край стола и как бы нехотя спросил:

– Ты принимаешь наркотики?

Утвердительный вопрос.

– Нет.

– А твои друзья?

– Не знаю. Нет, скорее всего. Адреналина им и без этого хватает. К тому же организм должен быть в идеальной форме.

Судя по тому, как он ухмыльнулся, мои слова его не очень-то убедили.

С неверием и скептицизмом я уже смирилась: чтобы выжить, прозвучит печально, нужно уметь приспособливаться. Сейчас мне приходится что-то доказывать, но время не стоит на месте, оно бежит как постоянный ток по проводам. Настанет день, когда отчета в своих действиях я никому давать не буду.

Надеюсь.

– Знаешь что? – В папином голосе послышались нотки какого-то наигранного воодушевления. – Я не стану читать тебе лекцию на тему «Основы безопасности жизни», тем более рассуждать о добре и зле. Думаю, ты уже достаточно взрослая, чтобы самой во всем разобраться. – Мысленно я с ним соглашаюсь, но напряжение не оставляет меня.

– При условии, что до восемнадцати, т.е. до совершеннолетия ты забудешь о своем увлечении! – Это не прозвучало как назидание, отец просто ознакомил меня с «договором».

– А до тех пор ответственность за твою жизнь лежит на нас.

– Мама не поймет...

– Поймет, – перебивает меня отец, – мы оба пришли к такому решению.

Я молчу.

Что я могу сказать? «Fiat voluntas tua»¹?

Согласна, согласна.

Одному Богу известно, чего мне это стоило...

С

В ту ночь я долго не могла уснуть. Лежала в темноте спальни, и размышляла. Обо всем на свете, вплоть до того, кто убил Кеннеди и есть ли жизнь на Марсе. В голове вертелись всевозможные «почему». Так, что стоило закрыть глаза, как из мрака на закрытых веках проецировались продолжения этих мыслей. Никуда от них не деться, оставалось одно – не обращать внимания. Я так и поступила, результат – погружение в сон спустя восемь минут.

Мне, как и всем людям, регулярно снятся сны, только не всегда они вспоминаются. Сегодня было именно так. Стоило мне открыть глаза, – последние ночные впечатления улетучились словно пыль.

Пробуждение наступило гораздо раньше необходимого, и некоторое время я лежала в кровати, собираясь с мыслями. Я вдруг подумала о том, что над- и подо мной, должно быть, чужие спальни, и в пяти-семи из них кровати расположены на том же месте, что и моя. Наверное, мало кому приходится размышлять на эту тему, в жизни, как я уже успела убедиться, существуют другие, куда более важные вещи.

Сумерки еще не расступились перед новым днем, а краешек светила едва выглядывал из-за горизонта. Если бы мы жили не на одиннадцатом этаже, а, к примеру, на третьем, подумала я, то ничего этого бы не было видно.

Раз уж не могу уснуть, то лучше встать с кровати и начать сборы в школу, которую на протяжении одиннадцати лет посещала без особого удовольствия. Но теперь, за месяц до окончания, дни ускоряют свой бег, и где-то в глубине души я благодарю судьбу за бесценный опыт. Даже ненавистные уроки математики покрываются налетом очарования...

Я отправилась на кухню. Остальные члены семьи еще спали, поэтому позавтракала я в полном одиночестве. Оставалось еще около часа, и я решила скоротать время за литературой. Под звуки «Freelove», Timbaland, One Republic я сочиняла очередную байку про жизнь в открытом космосе. Я писала о том, что, на самом деле, там безумно тоскливо: никаких тебе встреч с внеземными цивилизациями, столкновений с метеоритами, погонь и преследований. Все очень прозаично: работа, общение с коллегами (землянами и не только), хобби в свободные часы, сон и питание по расписанию. О том, как моим героям хочется каких-нибудь приключений, необычных ситуаций, но они лишены всего этого ввиду изолированности и колоссального, ничем не заполненного пространства вокруг.

Капитан корабля отдает приказы один безбашеннее другого в погоне за земной славой и вселенским почетом. Хвала программисту, чьим родным дядей он является! В то время как остальные члены экипажа дружно покинули борт, он остается. Можно сказать, трагедии не случается только благодаря ему.

Я не успела окончить рассказ. Пора идти.

Переодевшись в школьную форму, я отправилась за знаниями.

В дверях меня остановила мама. С утра она уже была во всеоружии: этот ее безупречный макияж и домашний халат – выглядели бессвязно как пчела и лошадь на картине великого художника.

– Телефон! – она протягивает мобильник через порог, когда я оборачиваюсь.

– Ну куда ж без него, родимого.

Мама вернула мне средство коммуникации, значит, все возвращается на круги своя.

Захожу в лифт – кроме меня там еще три человека: пожилая женщина с маленьким внуком и элегантный мужчина средних лет в костюме от Henderson, рядом с которым моя школьная форма смотрится по-детски. Воздух наполнен какой-то неуловимой, неизъяснимой тоской. Движение лифта заторможено. О том, что эта стальная коробочка работает, свидетельствует только ритмичное мигание огоньков на панели управления. Четверо совершенно незнакомых

друг другу людей, запершись здесь, в данный момент опасаются нодного – застрять между этажами.

В общественных местах не принято рассматривать человека в упор, даже если он тебе интересен, поэтому я делала вид, что занята собственными мыслями, когда мой взгляд невольно попадал на кого-нибудь из попутчиков. Чтобы те, не дай Бог, не заподозрили неладное и стали воображать всякие небылицы! От этих мыслей я улыбнулась.

Лифт благополучно доставил нас на первый этаж и, отворяя двери, выпустил в новый день. Позади кто-то откашлялся. Кажется, это был мужчина в хендерсон. Он свернул направо, в то время как я поспешила к остановке. Дул порывистый ветер, отчего идущая неподалеку дама то и дело хваталась за свою прическу. Солнце начинало свой неуклонный бег на запад, остановить который не в нашей власти. Точнее, остановить движение Земли. Небо ясное, без единого облачка.

Ожидание нужного маршрута.

Пять минут.

Десять.

Пятнадцатиминутное поглядывание на часы отняло последние капли драгоценного терпения.

Вытаскиваю откуда-то из закров души еще немного самообладания и переключаю сознание на происходящее вокруг. Люди, стоящие на остановке наверняка испытывают то же самое.

Наконец, в тот момент, когда я мысленно пожалела, что не осталась дома, подъезжает долгожданный 35-ый автобус.

Д

В школе у меня почти нет друзей. Тех ребят, с которыми на протяжении одиннадцати лет мне приходилось общаться, делить одно помещение для занятий и учебную программу, я считаю своими коллегами. Не больше и не меньше. Дружба совсем другое. Настоящих, на мой взгляд, друзей у каждого человека бывает очень мало, если не сказать ни одного. Так уж сложилось, что в моей жизни одновременно фигурируют два-три близких друга, на которых, правда, можно положиться в любой ситуации, не опасаясь при этом, что твои секреты станут достоянием жестокой общественности.

Ольга одна из них.

В школе ее не было.

От ее подруги и одноклассницы я узнала, что та в больнице.

Неужели заболела, подумала я. Но все оказалось иначе.

Ольга отправилась туда по понятной причине, а именно – навестить брата.

Но разве не могла она сделать это после занятий?

О том, что случилось с Димкой, мне по телефону рассказала его мать.

Она сообщила адрес, хотя я и так была в курсе. Ближайшая от места вчерашней встречи поликлиника.

До конца занятий сосредоточиться на учебном материале мне не удастся. Почти физически я ощущала, как разделяюсь на две части: одна сидит за партой и отчаянно пытается что-то понять, в то время как другая – мечется из стороны в сторону. Настенные часы в кабинете биологии устраивают мне настоящую пытку. Я смотрю на них, словно замороженная, и звуки окружающего мира теряются где-то на полпути, не достигая моего мозга. Так ползет минута за минутой. Учитель говорит что-то по своему обыкновению, следя за тем, чтобы максимально большее количество его подопечных «дошло» до сути. Наверное, если тогда Евгений Анатольевич обратился бы ко мне, я никак не отреагировала бы. К счастью, этого не произошло, и я, по-прежнему затерянная в себе, поняла, что «отсидела» ровно шесть уроков, умудрившись при этом записать домашнее задание.

Было время, когда погода оказывала существенное, если не сказать решающее, влияние на мое настроение.

Когда-то в детстве...

Теперь она не имела никакого значения. Что толку от ясного неба и палящего солнца над головой, когда эта самая голова вот-вот взорвется от лавины хаотичных мыслей?

Я смотрю на дорогу, сидя в 47-м автобусе, и, кажется, начинаю кое-что понимать. Или это только «кажется»? В любом случае меня не покидает странное чувство, будто пришло время подводить итоги и менять взгляды. В этот момент в душе поселяется необъяснимая тревога.

«День на точке кипения» – говорил фицджеральдовский Ник Каррауэй.

Я смотрю на дорогу, на проезжающие и замирающие рядом в ожидании зеленого света автомобили. Я вспоминаю день, когда Димка пришел к нам в команду. Хотя он был знаком со многими ребятами, в тренировках, а тем более в соревнованиях не участвовал. Каково же было мое удивление, когда Макс сообщил, что в команде пополнение, а новичком оказался младший брат Рины, еще совсем недавно копающийся в песочнице с остальной малышкой!

– Сколько тебе лет?! – Я отвела его в сторону, сопротивляясь происходящему. – Ты что, совсем обалдел? Что скажут твои родители, когда узнают, чем ты тут занимаешься?

– Обалдела ты, не я! Это тебя не касается!

– Действительно, с чего это я решила тебя поучать?! – возмущенным тоном подыгрывала я, а когда Дима уходил, бросила ему вслед, – Только не плачь, когда свалишься!

Я осталась сидеть на скамейке поодаль от гаражей, где собралась вся компания. Я сидела и периодически поглядывала в ту сторону.

Все мы когда-нибудь взрослеем: кто раньше, кто позже. Но обязательно это происходит в жизни каждого. В Димкиной наступил именно такой момент. Будучи двенадцатилетним подростком, я рассуждала схожим образом. Тогда мне тоже казалось, что жизнь – это сваленное в одну кучу «Здесь и Сейчас». Но с годами приходит некоторая осмотрительность.

Солнце уже скрылось за горизонтом, окрашивая краешек неба в пурпурно-оранжевую палитру. Дождавшись своего часа, словно получив на то разрешение от неведомой инстанции, подул прохладный ветерок. Мне нравилось наблюдать за происходящими изменениями и не думать ни о чем.

Разве имеет смысл растрачивать психическую энергию на советы и опасения, если в них не нуждаются?

Или считают, что не нуждаются.

В голове завертелись строки из «Fat Old Sun» Pink Floyd.

«...Скрывается последний луч, и если ты сидишь, молчи. Подними ноги от земли. И если слышишь, как падает теплая ночь...».

Не Шекспир, конечно, но со смыслом.

– Привет.

Рядом появился Максим. Я поняла, что наступили сумерки, и очертания предметов растворяются в темнеющем воздухе. Я не ответила, а сделала вид, что по-прежнему на скамейке никого, кроме меня, нет.

– Способный парень! Хэнд-баланс держит уверенно. Думаю, скоро палм-спин осилит...

Говорил он с воодушевлением, от которого мне становилось не по себе. Я вслушивалась в слова, но сосредоточиться на них мне не удавалось. Они вдруг потеряли всякий смысл.

– Сигареты есть? – спросила я, резко повернувшись к Максиму. Он изумленно посмотрел на меня, явно хотел что-то сказать, но не произнес ни слова.

– Есть или нет? – с нарастающим нетерпением допытывалась я.

– Я не курю.

– А я и не спрашивала, куришь ты или нет! – Я осознала, что перехожу на повышенные тона.

– Зачем ты так...

Он ушел. Я не пыталась крикнуть что-нибудь вдогонку, а просто смотрела ему вслед. Вдруг меня пронзило чувство, будто судьба последовательно и неторопливо испытывает меня на прочность.

Но что такое судьба?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Е

Весна в этом году выдалась на славу... От невыносимого зноя некуда скрыться, разве что сидеть дома под неустанным кондиционером, либо отправляться в супермаркеты, где всегда прохладно. Каждый спасается, как может.

Я шла по переулку, соединяющему две параллельные улицы, на одной из которых располагается пункт назначения. Запах жженого асфальта врывается в мои легкие. Спустя некоторое время я начинаю к нему привыкать. А еще через двадцать минут он начинает мне нравится.

Неужели я токсикоманка?

Лабиринт особого применения. Здания, или корпуса, этой больницы уже своим расположением по отношению друг к другу нарушают всякие эстетико-архитектурные представления. Незамысловатый фасад украшают серые ступеньки, вид которых вызывает большее сочувствие, чем тяжелобольной пациент захудалой поликлиники. По краям они словно понадукусаны каким-то голодным монстром. Судя по редким стебелькам петуний и маргариток на клумбе, наш монстр постарался на славу.

Рыжеволосая медсестра приемного покоя попросила дождаться окончания Тихого часа. Пока я находилась в полупустой комнате для посетителей, пришло сообщение от мамы: «Т-ы г-д-е [вопросительный знак] С-е-г-о-д-н-я в-е-ч-е-р-о-м п-о-н-а-д-о-б-и-т-с-я т-в-о-я п-о-м-о-щ-ь [точка]». Поразмыслив немного, я решила ответить следующим образом: «В б-о-л-ь-н-и-ц-е [точка] Ч-т-о и-м-е-н-н-о [вопросительный знак]».

Молчание.

Я смотрю в окно, смотрю на часы. Ждать остается немногим больше десяти минут. Когда стрелки часов проходят мимо отметки «четыре», я встаю с дивана и направляюсь в соседнюю комнату регистрации посетителей. Рыжеволосая куда-то подевалась, вместо нее за стойкой сидела другая, пожилого возраста брюнетка. Она суетливо раскидывала папки по полкам. В какой-то момент мне показалось, что сейчас подойти к ней и начать разговор было бы самым неразумным. Но, преодолев первое впечатление, безусловно, рискуя нарваться на неприятности, я спросила:

– Могу ли я навестить друга?

Медсестра подняла наконец-то на меня взгляд. Был ли этот взгляд оценивающим или нет, точно сказать не могу, однако сразу стало ясно, что я потревожила брюнетку в самый неподходящий момент.

– Фамилия, имя, отчество, – тут же сказала она.

Я поочередно произнесла все свои – первое, второе и третье имя, как говорят англичане – и поставила в «Книге посетителей» возле галочки размашистую подпись. Брюнетка встала из-за стола и жестом предложила следовать за ней. Она остановилась возле шкафа и достала оттуда белый халат и бахилы, за пользование которыми я внесла определенную плату.

Медсестра застыла в дверях словно статуя, пока я экипировалась. Недовольное выражение ее лица сменила маска безразличия. Я, в свою очередь, старалась на всякий случай не провоцировать неприятных ситуаций, поэтому поспешила с переодеванием.

Через минуту мы поднимались по широкой мраморной лестнице, ведущей в отделение, а еще через пару-тройку минут мы были на четвертом этаже, в коридоре хирургического отделения. Слева от стены располагалась стойка, такая же, как и в приемном покое. Но никого за ней не оказалось. Брюнетка отвела меня в палату №5.

Е2

Первое, на что я обратила внимание, переступив порог этого помещения, – высокий потолок. Странно, но в коридоре они таковыми не кажутся. Может потому, что там его украшает покрытие?

Мозг мгновенно воспроизвел картины из прошлого. Я попала сюда в возрасте шести лет с приступом аппендицита, встретив свое первое в жизни Первое сентября на больничной койке. На тот момент меня не слишком огорчал пропуск столь торжественного события. Единственное, чего я желала – встать поскорей с кровати и... яблоч.

В палате был только один пациент. Я подумала, странно видеть такой дефицит больных.
– Привет.

Димка повернулся в мою сторону. Его правая нога была по колено в гипсе.

– Привет, – произнес он тихо.

Я села на стул рядом с тумбочкой. Димка попросил приподнять ему подушку.

Так мы и сидели: я – на стуле, он – на кровати. Я не рискнул его обнять, потому что выглядел он как одно большое скопление ссадин и синяков. И, похоже, каждое движение причиняло ему невыносимую боль.

Я старалась не спрашивать о травмах, не напоминать парню о проблемах. Немного подумав над возможными темами для разговора, спросила:

– Какая твоя любимая песня?

Было видно, что вопрос этот Димке понравился. Он дал незамедлительный ответ:

– «Stars» The Cranberries.

Человек, который равнодушен к «Stars», должно быть, неисправимый оптимист.

– А твоя? – Дмитрий прервал ход моих мыслей.

– «Freelove» Depeche Mode.

– Спой!

Припомнив мотив, я начала:

«If you've been hiding from lo-o-ove...»

В моем воображении полупустая больничная палата преобразилась в концертный зал олимпийского масштаба с высокими потолками – куполом, пронизанным десятками разноцветных огней. Под ликование тысячной аудитории я пою. Мой голос разливается в пространстве; мелодия заставляет публику реветь.

Я стою, освещенная со всех сторон, мне виден только блеск софитов. Сейчас одиночество ощущается острее: кажется, в огромном зале я единственная, голос улетает безвозвратно вдаль.

Каждой клеточкой своего тела я ощущаю энергию зала. Поначалу она пугает, но в какой-то момент происходит «что-то», способное перевернуть все с ног на голову. Страх оборачивается неопишным блаженством. *Меня больше нет...*

Иногда фантазии реальней действительности, но всем им неизбежно приходит конец.

Я замолчала, наблюдая за реакцией Димки. К счастью, голосом и музыкальным слухом природа меня не обделила, и, судя по выражению лица слушателя, пела я очень даже неплохо.

– ...Я здесь, чтобы подарить тебе свободную любовь...

– ...Давай проясним, теперь это – свободная любовь... – продолжила я начатый Димкой перевод.

Димка улыбнулся, а я вспомнила, как когда-то выступала против его прихода в команду.

– Я была неправа насчет тебя, когда ты пришел в команду.

Димка смотрит мне в глаза и молчит, я продолжаю:

– Возраст здесь совершенно ни при чем, просто я за тебя переживала. Мне казалось, что ты не должен так рисковать.

Димка попытался слепить что-то вроде одобрительной улыбки, но выглядело это очень искусственно.

Он не умеет притворяться. Я тоже когда-то не умела. Но жизнь учит многому, в том числе науке лицемерия.

Я спросила Димку о том, что ему можно есть, и отправилась в магазин. Через двадцать минут я вернулась с фруктами, плиткой шоколада и фисташками, которые так любит Дима. Когда я вернулась, медсестра поставила Димке капельницу. Когда я взглянула вопросительно на своего друга, тот спокойно ответил:

– Обычный физраствор.

Мне захотелось улыбнуться.

Так я и поступила.

За окном возвышалась металлическая крыша соседнего корпуса. Через внутренний двор, можно проникнуть в хозяйственный блок.

– Знаешь, я тоже когда-то ходила в гипсе, – сказала я, в то время как Димка печально посмотрел на свою ногу. – Руку сломала. Слава Богу, правую, а то пришлось бы переучиваться на правшу!

Димка улыбнулся.

Следующие полчаса пролетели незаметно для нас обоих. Когда стрелки показывали сорок пять минут пятого, я попрощалась с другом и ушла.

Странное чувство, сопровождавшее меня весь день, немного угасло, предоставив разуму возможность мыслить рационально. Я захотела встретиться с Максимом и расспросить его о случившемся, но его мобильный был отключен. Тогда я решила поехать к нему домой.

Е

Если бы кто-нибудь пару лет назад сказал мне, что я буду иметь что-то общее с этим человеком, безусловно, я бы ему не поверила.

Кажется, мы слишком разные.

Кажется, кажется, кажется...

Я звоню в дверь.

Никто не открывает.

Стою перед закрытой дверью, нажимаю на кнопку снова и снова.

Уже когда я повернулась, чтобы уйти, щелкнул замок, и на пороге показалась чья-то блондинистая голова.

Максим.

Можно бесконечно долго смотреть на три вещи: огонь, воду и на Двойной бланш в исполнении Макса.

– Привет, – слышу я сонный голос.

– Привет.

Максим делает молчаливый жест, и я вхожу в квартиру.

В то время как я разубаюсь в прихожей, он идет на кухню, чтобы сварить кофе.

Я ни о чем не спрашиваю, он ничего не говорит.

На секунду я впала в замешательство по поводу своего визита. Но вскоре вспомнила его цель.

Уютный вид гостиной красноречиво свидетельствует о существовании в этом доме женщины. В данном случае, матери моего друга (?)

Приятеля?

Коллеги?

Странно, но я не могу с уверенностью сказать, кто этот человек лично для меня.

Не совсем друг.

Не совсем приятель.

Не совсем коллега.

И при этом нас не связывает ничего, кроме паркура.

Журнальный столик в виде символа Инь-Ян. Всегда о таком мечтала. И вот он передо мной, заваленный журналами.

Применение по назначению.

Автомобили, компьютеры, спорт, мода – вот темы этой макулатуры, глядя на которую пытаюсь вспомнить, когда в последний раз я держала в руках нечто подобное.

Четыре? Три месяца назад?

Оказывается, время умеет выпадать из нашей жизни. Но только, когда вообще ничего интересного не происходит.

Я останавливаю хаотичные мысли и слышу равномерное шипение тишины. Сознание словно отделилось от развалившегося на диване тела. Я не знаю, сколько это может длиться, потому что вакуум в голове заполняет голос Максима, и я возвращаюсь к своему прежнему состоянию.

Я слышу свое имя и поворачиваюсь к двери.

По коже пробегает легкий холодок, напоминающий тот, который испытываешь, намазавшись зубной пастой.

В летнем лагере, проснувшись, часто обнаруживаешь себя испачканным зубной пастой.

Детские забавы.

Пара серо-голубых глаз уставилась на меня.

Пара карих глаз уставилась на Максима.

Человек на пороге выглядит спокойным, но я знаю, что это всего лишь маска, за которой скрывается ранимый мальчишка. Наверняка, он догадывается о цели моего визита, поэтому ни о чем не спрашивает. Он выбрал выжидательную позицию. Я же, со своей стороны, не пытаюсь ничего объяснять.

Удивительно, но эта игра начинает меня забавлять...

– Какой кофе предпочитаешь, горячий или холодный? – интересуется Макс, и его лицо озаряет улыбка. Очаровательная до чертиков.

Как истинный джентльмен, хозяин дома пропускает даму вперед. Мы топаем на кухню, где нас нетерпеливо дожидается свежесваренный кофе и круасаны. Для кого, может и ужин, а для кого завтрак, подумала я и улыбнулась.

Отличный кофе, свежие круасаны, что еще нужно в начале дня?

– Как это произошло? – Первой молчание нарушила я.

Максим посмотрел в сторону, затем опять на меня и произнес:

– Сорвалась перекладина...

– Вы что, не проверяли площадку?! – Возмущение нарастает.

– Ты права, я виноват, – тихо, но отчетливо прозвучал ответ Максима. Он старательно избегает смотреть мне в глаза. Точно провинившийся ребенок. Но долго ждать не приходится, он поднимает взгляд.

Нет.

Незримые нити, соединяющие взгляд наших глаз. Правда эхом звучит у меня в голове.

– Тебя ведь там даже не было! – не выдержала я. Чувствую, как теряю контроль. Драгоценный, всеми любимый контроль разума над эмоциями.

Максим молчит. Я разглядываю пепельницу на столе.

– Ты куришь? – мой голос еще дрожит от возмущения.

Услышав вопрос, Максим оживляется и приходит в себя, как после долгой зимней спячки.

– Мама курит.

Я понимающе киваю: моя матушка тоже дымит на кухне. И если спрашиваю, почему нельзя делать это на балконе, презрительно молчит.

Надпись на футболке Макса гласит: «Don't try to be good!»³.

Я с умилением вспоминаю свое детское желание уйти в монастырь. Но, к счастью или к сожалению, инициатива угасла едва разгоревшись.

– Что смешного? – недоумевает сидящий напротив юноша.

– Ничего, – я пытаюсь сдержаться, но один сдавленный смешок все-таки вырывается у меня из груди. – Когда-то я собиралась стать монашкой.

Максим смотрит на меня внимательно.

Чувствую себя душой.

Ожидаю насмешок и шуток в свой адрес. Но он серьезен как никогда.

– Я тоже об этом помышлял... когда-то...

Забавно слышать это от него.

Почти семь часов вечера, во рту горький привкус, и мне совсем не хочется домой.

– Я собирался тренироваться на крыше...

– Отлично. Идем! – Выпаливаю я. Очевидно, подобная решительность явилась для Максима неожиданностью, но маска спокойствия вновь на лице.

F2

На лифте мы добираемся до восьмого этажа. Оставшийся путь на крышу двенадцатиэтажки преодолеваем пешком. По дороге Максим интересуется, почему меня не было на вчерашней тренировке, и я честно говорю, что именно по той причине попала под домашний арест и дала отцу слово не заниматься паркуром до совершеннолетия. В ответ на вопрос Максима, что это меняет, я пожимаю плечами.

Солнце близится к горизонту, и телевизионные антенны – редкие колючки вытягивают свои тени на бетонном холсте. Мягко скользящие лучи догорающего светила словно включают старую джазовую пластинку, и я почти физически слышу «What A Wonderful World» Армстронга.

Устроившись поудобней неподалеку от Максима, я наблюдаю за ходом событий со стороны.

Он начинает тренировку с разминки. Затем я наблюдаю, как он переходит от одного элемента к другому только когда выполняется абсолютной уверенности в своей технике.

Чтобы лучше понять человека, посмотри каков он в деле.

Чтобы определить его жизненные ориентиры, проанализируй его почерк. Особенно начертания цифр.

Земля ни на секунду не прекращает своего бега. Вечный марафон оборачивается сменой дня и ночи, времен года.

Я печально смотрю на свою школьную форму и обреченно вздыхаю, и мне совершенно не хочется домой.

– Ты всегда спишь днем? – интересуюсь я у Максима, когда тот усаживается рядом. На лице его удовлетворенная улыбка, и, кажется, проходит целая вечность, прежде чем он открывает рот.

– Только, когда не могу уснуть ночью.

Мужская логика – это логика, женская логика – это комок парадоксов.

Далеко не новость, но я не перестаю удивляться.

– А почему ты не можешь уснуть? – не унимаюсь я.

– Иногда это сложно, – я вижу, как он отчаянно пытается уйти от ответа.

– Но ведь дыма без огня не бывает!

Максим не дожидается кульминации издевок, опережая мои мысли.

– Не знаю, поймешь ли ты меня. Но это не важно, если хочешь знать, слушай!

В воздухе повисает интрига...

Максим делает глубокий вдох.

Этот честный и одновременно лукавый взгляд серо-голубых глаз.

Усердно пытаюсь определить, кого он мне напоминает. И я абсолютно уверена, что он очень сильно похож на какую-то рок-звезду. Позже становится ясно – звезду зовут Стинг.

Максим напоминает мне юного Гордона Мэттью Томаса Самнера.

– Когда погружаешься в сон, сознание бодрствует, но уже не так активно. Ты просто становишься сторонним наблюдателем своих мыслей. Некоторые люди в таком состоянии полусна-полубодрствования способны слышать слова, музыку, видеть картины... Некоторые из них умело этим пользуются, создавая что-то, по мнению окружающих, принципиально новое.

Максим замолчал. На семьдесят восемь процентов взгляд честный. Я бы сказала, честно-печальный.

– А ты этим пользуешься?

– Нет, – спокойно отвечает мой собеседник. – Потому что в основном это – картины катастроф. Как только закрываю глаза, включается это «слайд-шоу».

Картины, которые видишь впервые.

Музыка, с которой не знаком.

Интересно, как это объясняет наука?

Зачастую она просто расписывается в своем бессилии, но делает это настолько завуалированно, что в дураках всегда остаешься ты – автор «бредовых идей» и «вымысла».

В воздухе повисает тишина, и я почти физически ощущаю ее солоновато-металлический привкус. Редящие лучи солнца пробиваются через облако вблизи горизонта. Приплывшее неведомо откуда, оно тянется, словно бельевая резинка.

Мы сидим на крыше и молча смотрим на закат. Отсюда видно, как в соседнем квартале суется автомобили. Люди – неугомонные участники Великого забега на длинной дистанции – мелкие точки на фоне остывающего асфальта.

Ветер, совсем чистый, свободный от едких примесей, кружит над крышей, невидимыми крыльями хлестая по лицу.

– Мне пора, – говорю я и направляюсь к лестнице.

Максим остается на крыше.

G

Дома меня ожидал сюрприз. Точнее, премилые близнецы. Малышня появилась в нашем жилище благодаря корпоративной вечеринке их родителей.

Мальчишек привез их отец, сказав, что няня придти не смогла. Куда после этого отправилась мои предки, неинтересно. Судя по тщательному отбору нарядов, явно не на дружеские посиделки у костра.

Впервые увидев детей отцовского товарища (те вместе служили), я даже растерялась: они совершенно одинаковые! Мама торопливо назвала имена и тут же скрылась за порогом.

Имиджем ребят, судя по всему, занимается один и тот же стилист, лишенный фантазии штамповщик. Я оглядела обоих в надежде отыскать хоть малейшее отличие, но безрезультатно.

– Кто из вас Альберт, а кто Яша? – спрашиваю пятилеток.

– Яков, – важно заявляет тот, что справа, и кивает в сторону второго, – Альберт.

– Отлично, – говорю, – но чтобы не путаться придумаем опознавательные знаки. В голову не пришло ничего другого, кроме как повязать на запястье Яши красную нитку, а Альберта – зеленую. Вот так проблема разрешилась.

О профессии педагога, а тем более няньки, честно говоря, я мечтаю меньше всего.

Я в ступоре.

Никогда еще мне приходилось развлекать малышню.

Пытаюсь найти подход:

– В какие игры вы любите играть?

Мы как угорелые носимся по квартире, подражая различным птицам и зверям; строим шалаш из подушек и стульев; наконец, я показываю им некоторые достаточно незамысловатые элементы паркура, предварительно заключив «договор о неразглашении». Мальчишкам нравится: похоже, они принимают все это за шпионскую игру.

– Для пущей секретности, – объясняю я, – придумаем себе прозвища.

Теперь лев, акула и пантера мирно потягиваю абрикосовый нектар на кухне. Время от времени я рассказываю анекдоты. Не самые пошлые, конечно, но детям нравится.

Кажется, я начинаю различать ребят, не прибегая к помощи ниток. У Яши несколько меланхоличный вид, чего не скажешь о его брате. Но оба имеют тенденцию произносить слово «черепашка» с дополнительным слогом, в результате чего получается что-то вроде «чекрепашка».

– Хочу писать, – заявляет владелец алой повязки.

– ОК, кто-нибудь еще желает отлить?

После такого количества напитка по нужде захотелось всем.

Мы выстроились у двери в «уборную» в порядке живой очереди. Самым терпеливым из нас и как следствие последним оказался Яков.

Мои родители вернулись в одиннадцать, предки близнецов – за полночь.

Отец выглядит уставшим, аналогичное состояние и у меня. Но, несмотря на насыщенный вечер, он переодевается в домашнюю одежду и запирается в своем кабинете, не обращая внимания на недовольство мамы. Основываясь на многолетнем наблюдении, предвижу следующее: он сидит там до трех часов утра за компьютером, заваленный книгами, литрами поглощая кофе. Просто так войти в его логово невозможно. Если тебя нет в списке приглашенных, стой за дверью – хозяин квартиры слишком занят, чтобы принимать гостей.

В отличие от папы, который страдает бессонницей, я плетусь в свою комнату, на ходу стягивая с себя одежду, и проваливаюсь в глубокую-преглубокую яму под названием «сон».

Н

Чувств нет.

Эмоций тоже.

Тогда что есть?

Я сверлю глазами темноту спальни и не нахожу ответа ни на один мучающий меня вопрос. Отчаянные попытки нащупать ту нить, которая соединяет разум и душу, ни к чему не приводят. Я снова упираюсь в стену из бессмысленности и тишины. Стучусь в закрытую дверь, которая, как мне кажется, никогда не отворится. Просто некому это сделать.

Временами кажется, что я превращаюсь в робота. Тело, разумеется, по-прежнему выглядит человеческим, а внутри царит нерушимая гармония, добытая путем отказа от неотъемлемых атрибутов *homo sapiens* – эмоций и чувств.

Люди часто путают эти два понятия, когда стремятся выразить словами то, что испытывают. Я, например, сравнительно недавно сумела провести четкую грань между ними. Эмоция... ну, в общем, понятно, что это такое. А вот чувство, выражаясь простым языком – ощущение значимости кого-то или чего-то. Вычитала в какой-то книжке, сама бы ни за что не разобралась.

Я теряю и то и другое (в смысле эмоции и т.д.)

Я тихо напеваю знакомую мелодию, словно шарманка, едва расставляя ударения в словах.

В детстве сестра пугала меня бабайками и барабашками. И я, наслушавшись неумело сочиненных небылиц из уст Алины, подолгу не могла заснуть. Лежала в коконе из одеяла, откуда торчал только нос. Становилось не так страшно, зато очень жарко.

Однажды мне довелось стать свидетельницей и активной участницей такой ситуации. Четырехлетняя девочка, а точнее – моя кузина не могла переступить порог темной комнаты, чтобы взять оттуда свои игрушки. В тот момент я оказалась рядом и наблюдала за ее действиями со стороны. Всякий раз, переступив через порог, она беспокойно оглядывалась и быстро возвращалась в прихожую.

– Пойдем со мной, – просит она, и мне становится ясным то, что не позволяет ей исполнить задуманное.

Страх. Причем, искусственно посаженный в плодородную почву детской души и регулярно поливаемый, благополучно возросший до размеров паники.

– В чем дело? – интересуюсь я.

– Там бабайка, – объясняет ребенок, указывая на соседнюю комнату.

В голове возникает единственно разумное решение.

– Послушай, – говорю я, глядя ей в глаза, – бабаек на самом деле нет. Их придумали для того, чтобы человек боялся и чувствовал себя маленьким и беззащитным. А раз в темноте никого нет, зачем испытывать страх?

Девочка, внимавшая моим доводам, задумалась, а спустя минуту шагнула в сумерки детской. До выключателя она не доставала, да и мрак был не таким уж непроходимым. Я решила не зажигать свет, предоставляя сестре возможность преодолеть барьер страха.

С возрастом приходит осознание ошибок как своих, так и чужих. С годами становится понятно то, что вызывало бурный протест на заре жизни.

Я выявляю все больше и больше ошибок в своем воспитании. Иногда я сама себе кажусь некой экспериментальной моделью, бета-версией программы. Впрочем, я не могу судить своих родителей за упущения, распространенные во многих семьях.

На кухне дым коромыслом – мама сует в рот сигарету за сигаретой. Позже она будет ругать мою сестру за то, что та унаследовала, или «набралась» – как говорит мама, дурную

привычку. Разумеется, сестра даже не обратила внимания. И топор вешать можно уже в квартире на Ленинской, в которой Алина проживает со своим женихом.

Подвешенная на нити равновесия, я изучаю пространство перед собой и ощущаю свою отстраненность от всего, что можно было бы именовать «реальность».

Нет ни горя, ни радости.

Нет ничего.

Силы неизбежно покинули тело, и я засыпаю.

Проваливаюсь в неведомую, но такую уютную темноту.

Сколько бы времени не длилось безмыслие сна, неизбежно наступит пробуждение.

Проснувшись, я пытаюсь найти хоть какое-нибудь захудалое и, скорее всего, бесполезное объяснение сложившейся ситуации.

Тщетно.

Так начинается утро третьего мая: с пустых души и желудка.

I

Кто-то что-то говорит. Слова проносятся мимо, не задевая в душе ни одной струны. Я слышу их, осознаю, но не реагирую. Грубость или вежливость, не имеет значения. Мир настолько однообразен... нет, вы даже не представляете. Резкая смена кадров бывает только в кино.

Тело передвигается автоматически, без участия разума. Таков ли он, предвечный покой?

Одноклассники решают важные проблемы: все-таки выпускной бывает раз в жизни. Впечатление такое, что из знаков препинания в моем распоряжении остались лишь точка и запятая.

– Ты где?

Передо мной предстает Илья. Кудрявая шевелюра садится рядом на подоконнике.

– Следующая тренировка когда?

– Не знаю, – отвечаю я равнодушно.

Илья пытается завести беседу, но в отношении робота это – практически невыполнимая задача. Поэтому, помолчав немного, он возвращается к остальным.

Констатирую факты.

Анализирую происходящее.

Позже прохожу мимо кучки дерущихся мальчишек во дворе.

Констатирую факт.

Думаю, писатель из меня получился бы.

Достаточно циничная профессия.

«Настоящие писатели интересуются только собой!»².

Задворки памяти очищаются сами собой, я не прилагаю ни малейшего усилия для обновления жизни. Я плыву по реке, застряв посередине брода.

Закрываю за собой дверь, а из отцовского кабинета доносится мамин голос.

Разъяренный голос моей родительницы.

Я невольно прислушиваюсь, но не могу разобрать ни слов, ни, тем более, смысла ее речи. Но, как бы то ни было, за семнадцать лет я научилась не обращать внимания на их разборки. Просто позволяю им уладить все между собой, всячески избегая своего попадания в эпицентр событий.

Дети своих детей.

Родители своих родителей.

Переодевшись в шорты и футболку, я в надежде отвлечься от действительности уставляюсь в ящик.

Кофе без кофеина.

Новости без политики.

На другом канале – кофе с политикой, т.е. ну, вы понимаете.

Я воспринимаю падающую на меня лавину информации, пропускаю ее через себя, не обнаруживая остатков. Информация, конечно, до меня дошла, но не вызвала абсолютно никакой реакции. И когда это меня утомляет, без сожалений вырубая телик.

Незаметно дома воцаряется тишина, слышно, как мурчит пригревшийся на моих коленях кот Бублик. Теперь, когда страсти улеглись, я отправляюсь на кухню. Все дело в том, что я никогда не ем в напряженной обстановке.

Спагетти еще не успели остыть, и я принимаюсь за трапезу, не дожидаясь остальных членов семьи. Мой организм требует пополнения запасов энергии, разум не требует ничего.

Перед тем, как взяться за уроки я звоню Ольге и наговариваю на автоответчик – «Буду в шесть». Остальное – дело техники: если в течение получаса подруга не ответит, встреча отменяется. А если встретиться не удастся, рассуждаю я, придется штурмовать алгебру в одиночку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.